

В деревне грамотных можно было пересчитать по пальцам. Поэтому, даже если человек не имел официального титула, но умел читать и писать, его уже уважали больше простого люда. После слов Юй Шанчжи все взгляды невольно обратились к нему.

Вэнь Ецай, не упуская момента, громко обратился к толпе:

— Деревенские! Успокойтесь! Слушайте, что мой муж скажет!

Прямо на людях — "мой муж"!

Юй Шанчжи едва заметно дёрнул краешком губ, но, взяв себя в руки, продолжил:

— Сначала — о первом. Ты, старая, впрямую и намёками говоришь, будто между мной и Цайгером что-то было до свадьбы, будто мы связались втайне. Однако на всё есть свидетели: нас сватала сваха, имеется и красная свадебная грамота, перед свадьбой прошли все шесть положенных обрядов. Хоть с какой стороны посмотри — всё чин по чину, по обычаю, по закону.

Ху Цзинь уставилась на него злобным взглядом, будто готова растерзать, но стоило ей поймать на себе ледяной, как нож, взгляд Вэнь Ецай — она только беззвучно шевельнула губами.

— Во-вторых, — продолжал Юй Шанчжи, — ты обвиняешь меня в том, что я выдаю себя за лекаря, обманываю людей ради выгоды. Это уж вовсе нелепица, каких мало. Я с детства учился медицине — уже больше десяти лет. А мой учитель — уважаемый травник, живущий в соседней деревне. Хотите — поезжайте, спрашивайте.

Кто-то из любопытствующих действительно выкрикнул из толпы:

— А как звать-то твоего учителя?

Юй Шанчжи без колебаний назвал имя приёмного отца оригинального тела:

— Фамилия моего учителя — Цинь. Мы вместе жили в деревне Банпо под городком Утун.

Из толпы кто-то вдруг хлопнул себя по лбу, словно вспомнив что-то важное. Вэнь Ецай взглянул туда — оказалась жена Чжуана, того самого, что в деревне перемалывает соевые бобы и делает тофу. Они с ней толком не были знакомы — разве что перекидывались парой слов при покупке.

Жена Чжуана воскликнула:

— Вспомнила! У меня младшая сестра замужем в той самой деревне — в Банпо! В прошлом

году она к родне приезжала и рассказывала: у её свёкра тогда спину сильно прихватило, когда он в поле надорвался. Все думали, что он уже не поднимется. А вылечил его не кто иной, как лекарь по фамилии Цинь — тот самый! Сперва думали, старик прикован к койке навсегда, а он, полежав с месяц, как новенький стал!

Юй Шанчжи, прислушавшись, порылся в памяти оригинального тела и действительно вспомнил тот случай. Он кивнул:

— Да, тогда осмотр проводил мой учитель, а я был с ним — помогал.

Жена Чжуана — женщина бойкая, с ясной головой, тут же заявила:

— Раз так, выходит, что лекарь Цинь и вправду толковый. А раз ученик его с ним по деревням ходил, плохого он, поди, не выучит!

Несколько женщин, что хорошо ладили с ней, сразу закивали и поддакнули. А деревенские, как известно, всегда тянутся за большинством: где больше голосов — туда и склоняются. Пока одни кричат — поддержат скандал, как только ветер меняется — и они тут как тут, уже на другой стороне.

Ху Цзинь во все глаза уставилась на происходящее — как так вышло, что стоило Юй Шанчжи сказать всего пару фраз, и люди уже начали отходить от неё?

Она ещё не успела придумать, к чему бы прицепиться или как перевести тему, а Юй Шанчжи уже продолжил, голос его оставался спокойным, но в глазах застыла резкая, почти осязаемая насмешка, направленная в пустоту — словно и не на неё, а в сам воздух.

— Вчера глубокой ночью у Дие-гера поднялась высокая температура, начались судороги, он захлёбывался слюной, был на грани жизни и смерти. Старший брат Ху со своим супругом среди ночи постучали в наш дом. В ту пору в деревне всё уже стихло: даже скотина в хлеву спала, только сверчки стрекотали. Думаю, их крики и стук в дверь услышала не одна семья, верно?

После этих слов среди собравшихся пронеслось волнение — многие начали переглядываться. Вскоре заговорила Сунь Цуйфэнь, живущая как раз по соседству с Вэнь Ецаем. Всё это время она просто не находила момента, чтобы вставить слово.

— Что до других не знаю, но я-то точно слышала. Муженёк, скажи им!

Она бодро толкнула локтем своего крупного и немногословного мужа. Сюй Пэн, кивнув с неожиданной твёрдостью, прогремел голосом, словно в колокол ударил:

— Верно, мы оба слышали. И не только, как они в дверь стучались, а ещё до этого — как Дие-

гер безостановочно плакал.

Не стоит обманываться молчаливостью и простотой Сюй Пэна — семья Сюй в деревне Селянь считается одной из главных. Сам деревенский староста, Сюй Байфу, и есть нынешний глава рода Сюй. А Сюй Пэн — не кто иной, как родной племянник старосты.

И вот такой человек, связанный с деревенской властью, встал на сторону семьи Вэнь — слова его мгновенно изменили атмосферу. За ним и другие начали открывать рот — кто-то из ближайших соседей Вэнь Ечая, кто-то — из живущих рядом с Ху Дашу.

— Я тоже слышала, как Дие-гер всю ночь кричал, — сказала одна из женщин. — Ещё мужу сказала: даже если дитя просто капризничает или проголодался — так не плачут, это уже беда была!

— А ты, мать Дашу, говоришь, что ничего не слышала, что ребёнок не болел, — подала голос ещё одна. — А ведь я сама слышала, как ты во дворе на Бай Пина орала!

Ху Цзинь со злостью сплюнула в сторону той, что только что обвинила её во лжи. Та отскочила, а затем вспыхнула не на шутку:

— Ты, старая ведьма, совсем распустилась! Кого ты тут брызгами своими метишь?!

Но Ху Цзинь, вытянув шею, с вызовом огрызнулась:

— Ну слышала — и что?! У кого в доме дети не болеют? Разве каждый раз из-за этого бегут лекаря звать?! Ты же сама мать — знаешь, иногда достаточно дитю не дать есть, пару раз проголодается — и пройдёт! А этот ваш Дие-гер всего-то немного повыл и вырвал это паршивое козье молоко, а вы из мухи раздули дракона! Всё это байки этого вашего Юя и Вэнь Ечая, чтобы с людей деньги тянуть!

Стоило Ху Цзинь выдать эту фразу — вокруг вдруг воцарилась зловещая тишина. Она поёжилась, будто холод по спине прошёл, и инстинктивно зажала рот рукой. Сболтнула лишнее!

Из толпы тут же откликнулась Лю а-най — крепкая старуха, которая давно с ней не ладила. Говорила она с издёвкой, в своей обычной манере:

— Только что ты кричала, будто спала мёртвым сном и ничего не слышала, уверяла, что у Дие-гера не было никакой болезни! А теперь, значит, и про крик знаешь, и как его молоком вырвало — тоже знаешь? Ну и как это понимать?

(ПП: а-най - бабушка, общий термин для обозначения пожилых женщин.)

Теперь уже всем стало ясно, что Ху Цзинь врёт, да ещё как.

Ху Дашу больше не выдержал — уже неважно, родная ли она ему мать. Он бросился к ней, пытаясь увести:

— Мама, пойдём домой! Хватит позориться!

У Ху Цзинь волосы растрепались, она вцепилась в одежду сына, завывала в полный голос:

— Ты, неблагодарная тварь! Белоглазый волк! Это всё тот Бай Пин тебя науськал! Говори, он научил тебя так с матерью обращаться, да?!

На месте началась настоящая неразбериха, крики, возня, всё смешалось в один шум.

И только мощный голос, прорезавшийся сквозь гвалт, сумел всех остановить:

— Сейчас разгар страды, а вы, с самого утра, устроили посреди деревни базар! Кто тут главный зачинщик?!

Толпа сразу загудела: кто позвал деревенского старосту!

А в это время из ниоткуда, словно вьюн, появился младший сын семьи Сюй — Гоудань. Никем не замеченный, он юркнул в самую гущу толпы, чтобы не упустить веселье.

Сюй Байфу унаследовал пост деревенского старосты от своего отца. Если всё пойдёт по накатанному, без серьёзных потрясений, то в будущем передаст его своему старшему сыну. Положение семьи Сюй в деревне Селю не подлежало сомнению — веское и непререкаемое. Сам Сюй Байфу был человеком строгим и справедливым, и за долгие годы в нём выработался тот редкий тип власти, что ощущается без лишних слов: гнева нет, а страх есть.

С его появлением толпа моментально стихла.

— Дядя, — первым подал голос Сюй Пэн, стоявший ближе всех и приходившийся старосте родным племянником.

Сюй Байфу всегда был доволен этим племянником — парень крестьянский, крепкий, работающий, хозяйственный. И жена у него тихая, прилежная.

— М-м, — коротко откликнулся он и обвёл взглядом всех присутствующих.

Сегодня утром он только что позавтракал и собирался, докурив трубку, пойти обойти поля.

Однако не успел он затянуться как следует, как примчались несколько деревенских мальчишек, захлёбываясь в рассказах: в деревне, мол, переполох, люди сбежались, кто-то устроил скандал.

Деревня Селю не сказать чтобы большая — шесть-семь десятков дворов. Ссоры тут не редкость, но чтобы собралось столько зевак — дело незаурядное. Сюй Байфу тут же отбросил трубку, направился за мальчишками, и вот теперь, стоя у места событий, первым делом увидел, как на земле, среди пыли и криков, сидит Ху Цзинь — мать Ху Дашу. Стоило ему заметить эту склочную бабу, у него аж голова заболела.

Вторым взглядом Сюй Байфу зацепился за незнакомое лицо.

Возможно, у слепых и правда обострены остальные чувства — Юй Шанчжи тут же уловил, что кто-то внимательно на него смотрит. Сюй Байфу, насупив брови, сделал несколько шагов вперёд, окинул Юй Шанчжи внимательным взглядом и спросил:

— Ты чей будешь? Вроде не из нашей деревни?

Не успел Юй Шанчжи ответить, как за него вступился Вэнь Ецай:

— Староста, это Юй Шанчжи. Он — наш зять, вошёл ко мне в дом как чжусой.

У Сюй Байфу дёрнулась густая бровь. Про то, что пару дней назад Цай-гер женился, он слышал. Свадьба, новый муж, говорили, да. А потом разнеслось, что новоиспечённый чжусой прямо на дороге начал харкать кровью, едва живого притащили в дом, чуть не на руках. Он тогда даже жене своей сказал — видно, не судьба парню.

Но теперь, глядя на Юй Шанчжи, он понял — жить-то тот будет. Разве что глаза у него и правда мутны: взгляд скользит мимо людей, не фокусируется — похоже, с глазами беда.

Сюй Байфу чуть заметно кивнул, но больше ничего не сказал. Семейные дела гера — покуда не нарушают законов и приличий — не дело старосты. Вмешиваться незачем.

— Так что тут случилось? — наконец спросил он, метнув взгляд на Ху Цзинь. Та увяла, как побитый морозом баклажан, и сидела тише воды — весь прежний задор куда-то исчез.

Староста только начал было гадать, что же тут произошло, как услышал спокойный, уверенный голос того самого молодого мужа Юй Шанчжи.

Юй Шанчжи спокойно и последовательно рассказал всё с самого начала — с того момента, как прошлой ночью супруги Ху пришли к ним за помощью, и вплоть до утреннего скандала, в котором Ху Цзинь пыталась оклеветать его и Вэнь Ецай. Когда дошло до момента, где он описывал, как ставил иглы и лечил Дие-гера, Сюй Байфу — уже немолодой, слегка сутулый —

будто бы распрямился, взгляд стал острее.

— Так ты, выходит, и вправду настоящий лекарь-травник, уже закончивший учение и способный лечить? — переспросил он, в голосе — недоверие вперемешку с надеждой.

Потом добавил с сомнением:

— Гляжу, ты сейчас и не видишь, это не мешает?

Юй Шанчжи чуть повернул голову в сторону старосты, сдержанно и уважительно выказав готовность слушать:

— Да, зрение пока мешает — но не критично. Врачебное искусство строится на четырёх основах: «осмотр, выслушивание, опрос и пульс». Они дополняют друг друга, но не обязательно должны быть все сразу. Но через несколько дней, с нужным отваром, зрение должно восстановиться.

Сюй Байфу слушал, и чем дольше, тем яснее становилось: юноша говорит уверенно, грамотно, как человек, действительно сведущий. Не похоже на самозванца. И в сердце у старосты зародилась радость.

Что это значит? А значит это, что теперь, раз Юй Шанчжи — настоящий врач, и к тому же теперь зять-чжусюй семьи Вэнь, он будет жить в их деревне.

А это — событие для всей деревни Селю!

Деревенских знахарей и так было катастрофически мало. Один уезд, десятки деревень — и не факт, что наберётся даже два толковых. От Селю до ближайшего городка, Лянси, добираться нелегко, а сам Сюй Байфу за жизнь не раз видел, как люди умирали, потому что не успели получить помощь вовремя. А ещё он знал: если в деревне появляется свой врач — уважение к этому месту вырастает и среди соседей, и на ярмарках, и даже у власти.

А уж для Сюй Байфу, как старосты, это было делом не только деревенским, но и личным: если в Селю появится свой лекарь, его собственный авторитет в округе окрепнет. Ведь в будущем, при любом собрании или споре между деревнями, он мог с гордостью сказать: а у нас в Селю свой ланчжун есть!

Такого человека ни в коем случае нельзя обидеть! А иначе — потом у кого лечиться? В каждой семье бывают хвори, от головной боли до лихорадки. Обидишь врача — сам себе навредил.

Осознав всё это, Сюй Байфу тут же посуровел, выпрямился и с серьёзным видом обратился к Юй Шанчжи и Вэнь Ецяо:

— Вы, как супруги, можете быть спокойны. Раз уж я здесь — значит, я сам вам справедливость обеспечу!

Затем его взгляд упал на всё ещё сидящую на земле Ху Цзинь. Волосы у той растрепал ветер, сама она выглядела жалко, вся в пыли и обиде. Староста почувствовал, как в груди закипает раздражение. Он резко указал пальцем на Ху Дашу:

— Твоя мать, может, и лишилась разума, но ты-то не дурак? Твой супруг и ребёнок — оба нуждаются в заботе, а вы с утра весь двор на уши поставили! Что ж ты молчишь? Немедленно подними свою мать! Или тебе нравится, как она тут валяется? Кому вы это шоу показываете?

Ху Дашу, получив по полной от старосты, стиснул зубы и снова подошёл к матери, чтобы её поднять. Но та, прикрывая лицо руками, только выла без конца, жалуясь на умершего мужа, причитая, что они — сироты да вдова, и теперь их все топчут, жизни никакой, все хотят сжить со свету...

Словно к земле приросла — будто у неё под задом гири привязаны. Сколько Ху Дашу ни дёргал — не сдвинуть!

Ху Дашу сжал челюсти, глядя на мать, всё так же валяющуюся на земле, и невольно вспомнил слова, сказанные только что деревенским старостой. Верно... Даже собственного супруга и ребёнка как следует защитить не может — что же он за мужчина тогда? В голове один за другим всплывали обиды, что пришлось стерпеть Бай Пину после свадьбы, и все то пренебрежение, которое показывал его родной старший брат. Всё это словно вновь развернулось перед его глазами.

Грудь ходила ходуном, дыхание сбилось, и наконец, он резко разжал пальцы, отпуская мать:

— Мама, если ты и дальше хочешь губить меня, опозорить перед всей деревней — тогда не жалуйся, что я, твой сын, утратил сыновнюю преданность!

С этими словами он обернулся к Сюй Байфу и, с каменным лицом, громко, отчётливо сказал:

— Староста, при вас скажу как есть. Юй-ланчжун и Цай-гер — спасители нашего Дие-гера. Их милость мне не забыть до конца жизни. А сегодня, пользуясь случаем, попрошу вас быть свидетелем: я, Ху Дашу, с этого дня отделяюсь от семьи!

Он проговорил это с весом, с решимостью, и каждое слово ударило в тишину двора, словно камень об землю.